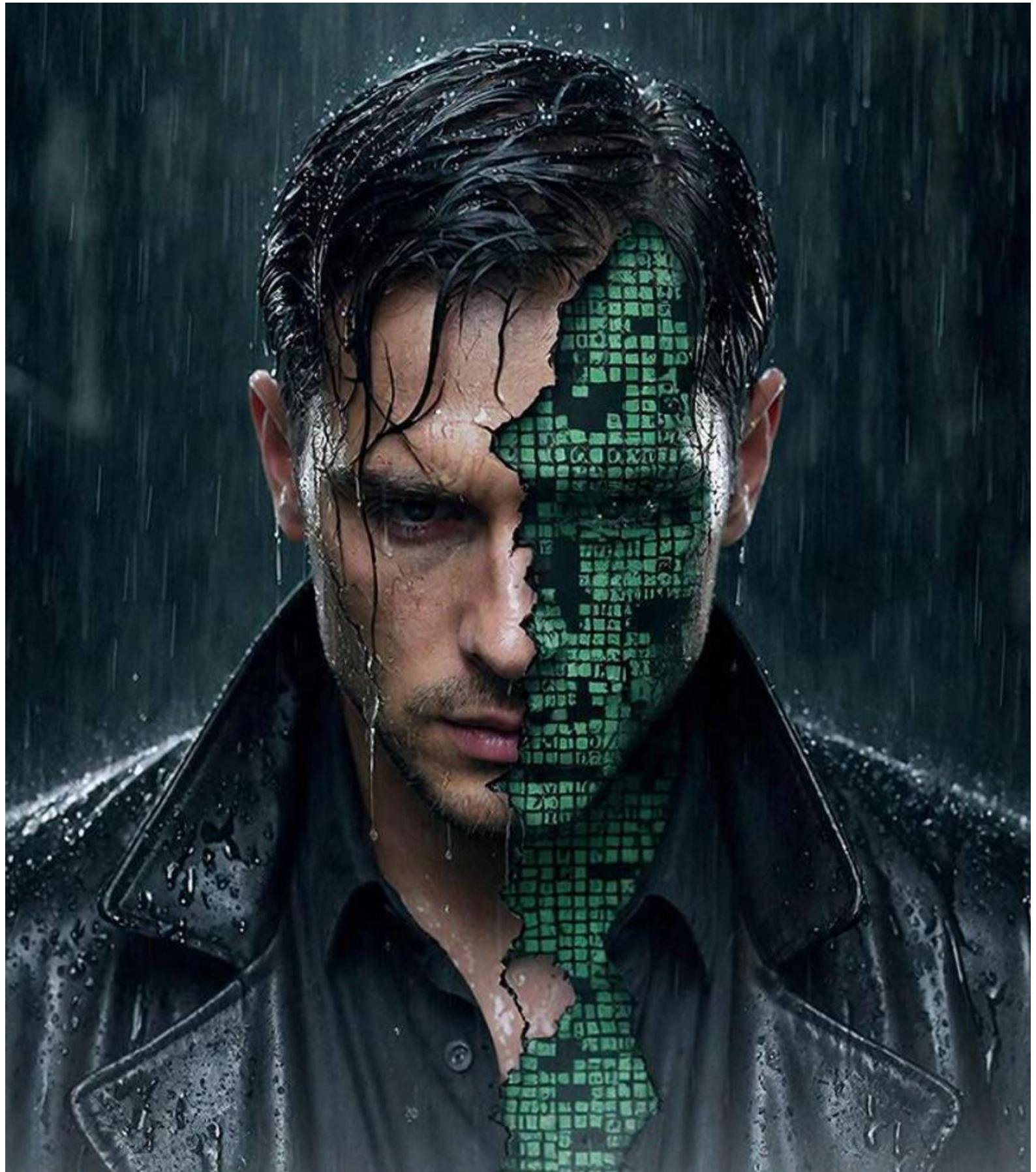

В ПОГОНЕ ЗА ОШИБКОЙ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Александр Самсонов

В погоне за ошибкой

«Автор»

2026

Самсонов А. С.

В погоне за ошибкой / А. С. Самсонов — «Автор», 2026

Что делать, когда ты теряешь всё? Когда предают самые близкие, а смерть кажется избавлением? Павел думал, что его история закончена. Но встреча с эксцентричным Кубинцем доказала обратное. Мир Павла оказался лишь тонкой гранью над бездной. Он — «ошибка» в системе, человек, способный менять реальность. Но за такими способностями всегда идёт охота. Враги могущественны, а союзники загадочны. Чтобы выжить в этой смертельной игре, Павлу придётся узнать правду о себе и о тех, кто дёргает за ниточки этого мира. Готовы ли вы заглянуть за завесу привычной реальности?

© Самсонов А. С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Оглавление	5
Глава 1 «Кризис»	6
Глава 2 «Исповедь»	9
Глава 3 «Проповедь»	11
Глава 4 «Кубинец»	13
Глава 5 «Лучший день»	16
Глава 6 «Нужно быть зверем»	18
Глава 7 «Алекса»	19
Глава 8 «Борьба с собой»	20
Глава 9 «Прозрение»	21
Глава 10 «Возвращение подарка»	23
Глава 11 «Создание образа»	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Александр Самсонов

В погоне за ошибкой

Оглавление

Глава 1 «Кризис»	
Глава 2 «Исповедь»	
Глава 3 «Проповедь»	
Глава 4 «Кубинец»	
Глава 5 «Лучший день»	
Глава 6 «Нужно быть зверем»	
Глава 7 «Алекса»	
Глава 8 «Борьба с собой»	
Глава 9 «Прозрение»	
Глава 10 «Возвращение подарка»	
Глава 11 «Создание образа»	
Глава 12 «Серебряная звезда»	
Глава 13 «Откровение»	
Глава 14 «Покушение»	
Глава 15 «Ответы на вопросы»	
Глава 16 «Начало принятия»	
Глава 17 «Распределение ролей»	
Глава 18 «Похищение»	
Глава 19 «Сон»	
Глава 20 «Моя спасительница»	
Глава 21 «Странная ночь»	
Глава 22 «Дедлайн — 24 часа»	
Глава 23 «На пол шага опережая события»	
Глава 24 «Подарок от старого друга»	
Глава 25 «Розовый ноутбук»	
Глава «26 Раскаяние»	
Глава 27 «Семён Соломонович»	
Глава 28 «Другой мир»	
Глава 29 «Пугающие ответы»	
Глава 30 «Невидимый враг»	
Глава 31 «Спеша от погони»	
Глава 32 «Плен»	
Глава 33 «Сумасшедший ублюдок»	
Глава «34 Побитый пёс»	
Глава 35 «Мсть и спасение»	
Глава 36 «Горький вкус победы»	
Глава 37 «На пути к решающей схватке»	
Глава 38 «Засада»	
Глава 39 «Последний приказ»	
Глава 40 «Исход»	
«Эпилог»	

Глава 1 «Кризис»

Вы когда-нибудь испытывали разочарование к самому себе — настолько сильное и необратимое, что вас непроизвольно начинало тошнить? И вы с невероятным трудом, собрав все свои силы в кулак, кое-как сдерживали рвотный позыв, обильно потея и трясясь при этом, полностью теряя контроль над собственным телом?

Посещало ли вас хотя бы раз желание закрыть глаза, уснуть и никогда больше не просыпаться?

Лично меня это желание изводило сегодня весь день, и я уже к концу вечера начал представлять, каким же образом с собой покончу. Сидя за рулём новенького «Мерседеса», я с силой вдавил педаль газа в пол. Автомобиль, словно дикий зверь, почувавший свою добычу, взревел устрашающим рыком и ринулся вперёд, разрезая ночное пространство. Он мчался по пустой дороге, а я, опустив взгляд на приборную панель, наблюдал за тем, как стрелка спидометра неумолимо подбиралась к отметке в 200 км/ч.

Мне вдруг показалось, что время остановилось или замедлилось настолько, что я перестал ощущать его.

За какие-то доли секунды я успел просчитать и даже в красках представить, что произойдёт со мною, когда я на скорости влечу в поворот, который ожидает меня впереди. Я отчётливо видел в своём сознании, как машина врежется в металлические отбойники. Мне показалось, я даже почувствовал на миг, как с хрустом ломаются мои кости. И всё это я увидел за мгновение, которое невозможно измерить никакими приборами. Как будто сама Вселенная вдруг сказала мне:

— Смотри, разве вот так ты хочешь, чтобы всё закончилось?

Мурашки пробежали по моей спине. Я нервно дёрнулся и судорожно затряс головой, отчаянно пытаюсь их с себя скинуть, избавиться от них, как и от тех мыслей, которые рождает мой нездоровый и убитый алкоголем мозг.

— Ну на хер! — вырвалось у меня изо рта, и нога сама легла на педаль тормоза.

Сбросив газ, я проехал ещё несколько километров и, свернув в какие-то тёмные дворы, резко ударив по тормозам, заставил автомобиль остановиться. Какое-то время я просто сидел неподвижно в машине, пытаюсь усмирить тот хаос, что творился у меня в голове. И лишь немного приведя свои мысли в порядок, я открыл дверь и неуверенно выбрался наружу.

С трудом соображая, я аккуратно положил ключ на крышу машины и, намеренно не закрывая дверь, оставил её открытой. Не знаю, почему я так поступил. Но именно в тот момент мне показалось, что так будет правильно.

На улице было мерзко: холодный осенний ливень обильно поливал неровный асфальт, создавая мокрые лужи. А я в абсолютном одиночестве стоял посреди ночной улицы. Вжимаясь в воротник собственной куртки, старался спрятать шею от холодных капель дождя, норовящих скатиться по ней напрямиком мне за шиворот.

Сунув руки в карманы, я вдруг ощутил, как в одном из них, молча, но настойчиво, вибрирует уже ставший мне ненавистным за последние часы телефон. Предусмотрительно поставленный мною на бесшумный режим — дабы не отвлекать меня от запланированного суицида, — он лежал и дёргался, будто в конвульсиях, неистово напоминая мне о том, что я ещё жив и что у меня огромные, без преувеличения, проблемы. И стоит мне на него ответить, привычно сказать:

— Да, я слушаю, — моя жизнь тут же превратится в ещё более жуткий кошмар, хотя куда уже хуже.

Думая об этом, я вдруг грустно улыбнулся, достав опустевшую пачку «Мальборо». Нашупав и схватив двумя намокшими пальцами последнюю сигарету, поднёс её к обветренным губам и неожиданно замер.

— А ведь действительно, — подумал я, — чего мне, собственно, уже бояться?

Сжав зубами светло-коричневый фильтр сигареты, я достал свой айфон и приложил его к уху, заблаговременно нажав кнопку принятия вызова.

— Паша, Паша, Пашенька! — послышался из динамика телефона некогда родной, заплаканный голос жены.

— Тут какие-то люди, Паша, они хотят поговорить с тобой.

Разговор прервался на секунду, и дрожащий голос Арины внезапно сменился на грубый мужской.

— Представляешь, что мы сейчас сделаем с ней? — прохрипел незнакомец в трубку.

И в ту же минуту на заднем фоне раздался громкий, омерзительный смех.

— Так что бери ноги в руки, Паша, и дуй сюда так быстро, чтобы я не успел запариться тебя ждать.

— Ты всё понял? — после небольшой паузы прокричал он повелительным тоном, и Арина звонко, пронзительно завизжала.

Будь я тем человеком, каким был всего месяц назад, хозяин этого голоса пожалел бы о том, что посмел разговаривать со мной в таком тоне. А за то, что он осмелился угрожать моей жене, будучи у меня дома, я бы стёр его с лица земли, подключив к этому все свои деньги и связи. Но, к сожалению, от моего прежнего статуса уже совсем не осталось и следа.

Ком подкатил к моему горлу, и по телу пробежала колючая дрожь. Собрав остатки воли воедино, я громко, как можно увереннее произнёс: «Делайте с ней что хотите, мне плевать!» Тут же, нажав на сброс вызова, я что было силы заорал, словно пытаюсь выпустить пар из себя, как из перегретого чайника. Я так сильно разозлился на себя, на тех, кто только что мне звонил, что со всего размаха швырнул мобилу на промокший асфальт. Телефон, ударившись ребром, подпрыгнул, несколько раз перевернувшись в воздухе, и, как заправский ныряльщик, почти не поднимая брызг, красиво скользнул в лужу, полностью скрывшись в её грязной воде.

Трясущимися руками, то ли от холода, то ли оттого, что адреналин быстро покидал моё тело, я с трудом зажёл зажигалку и прикурил последнюю сигарету. Жадно затянувшись и с облегчением выпустив изо рта на волю остатки сладкого серого дыма, я чуть не разрыдался, еле сдерживая эмоции.

— Паша, Пашенька, тут какие-то люди, — с издёвкой выкрикнул я.

— Сука, да если бы не ты, ничего бы этого не было!

Всего в несколько глубоких затяжек я добил свою последнюю сигарету и бросил окуроч в ту же лужу, где уже покоился мой телефон.

Оглянувшись по сторонам, я увидел небольшой ларёк. Свет, от которого почему-то напомнил мне одинокий маяк в море, омываемый огромными, разбушевавшимися волнами. Развернувшись, я, как корабль, терпящий бедствие, устремился к нему — к манящему, спасительному, яркому свету.

Быстро добравшись до киоска и открыв его дверь, я услышал звон дешёвых китайских колокольчиков, предназначенных для того, чтобы оповестить продавца о приходе клиента, — и тот успел встретить его с приятной улыбкой и нарочитой услужливостью.

Но сегодня явно был не мой день. Вместо приветливого и улыбающегося продавца, потягиваясь и громко зевая, ко мне вышла огромная, опухшая женщина. В её отёкших, невыспавшихся глазах читалось:

— Какого хрена? Заказывай быстрее, что тебе нужно, и вали отсюда!

Не желая затягивать процесс покупки, будто боясь окончательно её разбудить, я тихо произнёс:

— Пачку Мальборо и бутылку самого дорогого коньяка, что у вас есть.

В ответ эта необъятная дама, даже не поведя бровью, медленно наклонилась ко мне. Обдав меня несвежим дыханием, она задала короткий, я бы даже сказал, минималистичный вопрос:

— Чё?

Растерявшись на мгновение, но быстро взяв себя в руки, я более уверенно повторил свой заказ. На что продавщица неохотно развернулась, достала с полки «Мальборо» и с громким шлепком приложила пачку о деревянный прилавок. Взглянув исподлобья мне прямо в глаза, с пренебрежением процедила сквозь огромные зубы:

— За сигареты — с вас 40 рублей. А спиртное, молодой человек, после одиннадцати вечера мы не продаём.

Моё желание выпить было настолько сильным, что я, не задумываясь, вытащил из внутреннего кармана куртки увесистую пачку пятидесятирублевых купюр. И, отслонявив от неё одну, протянул её ей.

— Надеюсь, это поможет решить вопрос с временными санкциями, — сказал я.

Женщина, жадно облизнув ярко накрашенные губы и расплывшись в подобострастной улыбке, не сводя с меня глаз, будто следя за моей реакцией, осторожно вытащила из моей пачки ещё две купюры и произнесла:

— Вот теперь хватит.

Достав из-за стеклянной витрины бутылку двенадцатилетнего армянского коньяка, она влажной тряпкой стёрла с неё осевшую пыль и, всё так же улыбаясь, протянула её мне.

Выйдя на улицу, не отходя далеко от киоска, я распечатал бутылку. С характерным хлопком выдернул пробку и, впившись губами в стеклянное горлышко, сделал несколько живительных глотков. Коньяк, хоть и отличался от того, к которому я привык, оказался не так уж плох.

Алкоголь, наполняя желудок приятным теплом, разливался по венам, согревая тело и слегка дурманя мою голову.

Дождь почти прекратился, и сквозь невидимые ночные тучи едва пробивался тусклый холодный свет. Поднеся бутылку к губам и сделав ещё один глоток, я вдруг подумал: «Ну что ж, Павел Александрович, а жизнь-то налаживается». И в ту же секунду уверенно шагнул в лужу — так, что брызги разлетелись в разные стороны.

Глава 2 «Исповедь»

Вскоре незаметно для себя я вышел на хорошо освещённую улицу, вдоль которой с одной стороны тянулась двухполосная дорога, а с другой — равномерно, через определённое расстояние, стояли кованые столбы с фонарями, выполненными в стилистике XIX века. И такие же кованые лавочки — им под стать. Мне сразу почему-то вспомнилось стихотворение Александра Блока «Аптека, улица, фонарь», и я сумбурно начал вспоминать слова произведения.

Я шёл тихонько, бормоча себе под нос знакомые строчки, пока не увидел на одной из лавочек мирно спящего человека, укутавшегося с головой, как в одеяло, в прозрачную упаковочную плёнку с пузырьками. Рядом с ним, возле лавки, стояла железная кружка, на дне которой лежала горстка мелочи. Я подошёл, поднял её и, перевернув, высыпал мелочь на бетонный асфальт. Железные рубли и копейки, падая, разлетались в разные стороны, издавая приглушённый звон, тем самым заставив проснуться плохо одетого, дурно пахнущего человека.

Открыв глаза, увидев меня и то, что я делаю, бродяга начал невинно возмущаться и, шурша плёнкой, попытался как можно скорее приподняться. Я, опустошив кружку, налил в неё недавно купленный мною армянский коньяк и протянул её уже успевшему сесть бездомному. Тот с огромным удивлением в глазах вцепился в железную тару и, предварительно с недоверием понюхав, отхлебнул её содержимое. Взглянув на меня с благодарностью, он тихо прохрипел что-то похожее на «спасибо» и подвинулся на край лавки, приглашая меня присесть с ним рядом.

Угостив бомжа сигаретой и достав себе, я воспользовался его приглашением и присел. Закурив, выпуская дым в ночное небо, мы сидели как старые добрые приятели, попивали коньяк и делились друг с другом своими проблемами. Вернее, я делился, а бездомный внимательно слушал — ну или делал вид, что слушает. Я же, желая выговориться, рассказывал ему всё, всё — с самого начала и до того момента, который и привёл меня на эту самую скамью.

Мой рассказ начался с того, как мы с моим лучшим другом, работая обычными разнорабочими на стройке, стали основателями одной из крупнейших строительных компаний в регионе. Как вскоре самые влиятельные персоны города желали иметь со мной если не дружеские, то хотя бы приятельские отношения. И как я в итоге стал тем человеком, без которого званые вечера, на которых собиралась вся местная элита, просто теряли весь свой смысл и шик. И становились не более чем скучным сборищем власть имущих господ, которые с нескрываемой ненавистью либо завистью, а чаще испытывая и то, и другое чувство одновременно, внимательно заглядывали друг другу в раскрытые, жадные рты.

Может, я и приукрашивал свою значимость, желая показаться в глазах бездомного ещё более крутым, чем я есть, вернее, был на самом деле. Но когда разговор зашёл за неё, вот тогда я начал говорить только правду, без всяких преувеличений и хвастовства, — только то, что было на самом деле.

Я рассказывал ему, как на одном из таких вечеров мы впервые с ней повстречались — с молодой, шикарной женщиной, которая, подобно фурии, ворвалась в мою холостую, обыденную жизнь. Полностью изменив её, разорвав на три несовместимые части: до, с ней и после. И имя этой фурии было Арина — моя прекрасная, безумно любимая мною будущая жена Арина.

Я любил её настолько, что готов был ради неё на всё, выполняя все её прихоти и пожелания. Я был готов носить её на руках, заваливая драгоценными подарками, лишь бы только видеть, как она улыбается, и насколько счастлива рядом со мной. Буквально через несколько месяцев после нашей первой встречи мы поженились. Сыграв самую дорогую и запоминающуюся свадьбу в городе, наш медовый месяц мы провели в раю — на Мальдивских островах. А позже, вернувшись на родину, я получил выгодное предложение по бизнесу: строитель-

ство премиального коттеджного посёлка под Москвой. От таких предложений, как правило, не отказываются, и я в тот же день вылетел в столицу.

Проведя в Москве около двух недель, я, на крыльях любви, спеша к молодой жене, на несколько дней раньше, чем планировал, вернулся домой. И, к своему глубокому удивлению, застал свою любимую женушку в постели со своим лучшим другом и компаньоном. А дальше... А дальше всё как в тумане. Несколько недель подряд я тонул в алкоголе, пытаюсь упиться до смерти. Я любил её настолько сильно, что просто не понимал, как можно дальше без неё жить. Любовь, злость, ненависть — эти чувства переполняли меня и ослабевали ненадолго, лишь только в тот момент, когда я напивался до беспамятства.

И вот однажды раздался звонок в дверь. Я, приходя в себя после очередной попойки, трясущимися руками открыл её, впустив наспех вбежавшего ко мне в квартиру старого школьного друга — Сидорчука Алексея Викторовича, в криминальных кругах известного как Лёха Кипиш. Лёха, хоть и был баламут и раздолбай с самого детства, имел серьёзный авторитет не только в городе, но и за его пределами.

Влетев ко мне в пропахшую перегаром квартиру, он с порога начал громко орать, чтобы я собирался и как можно быстрее валил из города, а лучше — из страны. Что я подвёл очень серьёзных людей в Москве, что фирма моя не выполнила взятые на себя обязательства, и кое-кто потерял из-за меня столько бабла, что послал за мной людей, и они вот-вот явятся.

Дав мне ключи от новенького «мерина», только что отобранного за долги у какого-то барыги, и сунув мне за пазуху несколько пачек денежных купюр, он чуть ли не пинками отправил меня в Москву. Мол, там меня уж точно сейчас искать никто не будет. И напоследок предупредил, чтобы от мусаров я держался как можно подальше: им за меня тоже хорошая премия к зарплате обещана.

Я вдруг почувствовал, что мне не хватает запала закончить свой рассказ. Прервался, разделив последнее содержимое бутылки между собой и бездомным. Быстро допив остатки и не удовлетворившись этим, я решил взять ещё. Но единственное, что меня смущало в назревшем плане, — это то, что я абсолютно не понимал, где я нахожусь и куда мне идти.

Мой новый приятель, не способный изъясняться человеческим языком, кряхтя и бубня что-то совсем непонятное, указал мне жестом дорогу, а сам, развалившись на лавке, тут же уснул, издавая громкий храп, похожий на рычание огромного медведя.

Глава 3 «Проповедь»

Слегка покачиваясь из стороны в сторону, я брёл, топая по лужам, на свет витрин, горящих неподалёку. Практически дойдя до какого-то небольшого магазинчика, мне вдруг сильно приспичило отлить. Не найдя глазами ни деревьев, ни каких-либо кустов, я достал своё хозяйство и пустил мощную струю на угол старого, непонятного мне здания. В нём была только одна дверь и два зарешёченных окна, а над ними горел странный рекламный логотип, похожий на тот, что используют аптеки: вот только змея была чёрной, с ярко-красными глазами и языком, а вместо чаши — роза с шипами.

Я почти закончил своё дело, когда вдруг услышал позади визг тормозов и хлопанье дверей автомобиля.

— О, это наш пассажир, — раздался в ночной тишине чей-то голос.

— Руки вверх! — крикнул второй и клацнул затвором автомата. После чего оба громко и противно расхохотались.

Обернувшись, я увидел старый обшарпанный «жигуль» с синей полоской посередине и включённой мигалкой, закреплённой на крыше. Рядом с ним стояли два похожих друг на друга милиционера. Один из них смотрел в мою сторону, держа руки в карманах, а второй целился в меня из автомата. Они оба широко улыбались и, похоже, уже предвкушали, как неплохо так поднимут денег — ввиду того, что я был прилично одет и изрядно пьян.

Но вот в мои планы быть задержанным двумя придурковатыми ППС-никами это уж точно не входило. Да и хорошей премией для них я вовсе не желал становиться.

Не успев закончить процесс опустошения мочевого пузыря и засунуть своё хозяйство обратно в штаны, я вдруг, с удивлением для себя, сам того до конца не понимая как, ринулся в дверь здания, которое я, как пёс, только что пометил. Мне почему-то даже не пришло в голову, что дверь может быть заперта, и лишь, к счастью для меня, дёрнув с силой за ручку, она поддалась и открылась.

— Стой, сука! — раздался сзади крик одного из ментов.

Но я уже забежал внутрь здания и захлопнул за собой дверь.

То, что я увидел, удивило меня, но не так сильно, как тех людей, которые, разинув рты, смотрели в мою сторону и не понимали, зачем я ворвался к ним на мероприятие с выпученными от страха глазами, громко дыша и с вывалившимся наружу членом. Это помещение внутри напоминало небольшой театр, где люди сидели и слушали выступающего на сцене человека, странно одетого, как американский проповедник: в строгий чёрный костюм с белым воротничком, рассказывающего, как мне показалось, о вреде наркотиков.

Прервав свою проповедь, человек в строгом костюме посмотрел на меня, приятно улыбнулся, будто обрадовавшись моему появлению, и жестом пригласил меня присесть на свободное кресло. И все люди, присутствовавшие в зале, в этот момент дружно, одобрительно мне хлопали. Я в ответ на овации вдруг раскланялся, как актёр, получающий «Оскар», и, быстро застегнув ширинку, пошёл занимать своё место, протискиваясь через ряды близко сидящих друг к другу людей, постоянно извиняясь и раскаиваясь за то, что наступаю им на ноги, — желая затеряться среди них от тех двух служителей закона, которые всё ещё оставались снаружи.

Вскоре, найдя свободное место, я уселся, а человек в строгом костюме продолжил читать свою проповедь:

— Наркомания — это не болезнь, кто бы там что вам ни говорил. Стать наркоманом — это значит сделать выбор, осознанный выбор. А это подразумевает под собой отречение от всего, что прежде было нерушимым: мораль, принципы и даже такие жизненные устои, как любовь к родным и близким, — всё это для наркомана начинает теряться, меркнуть и окон-

чательно разрушаться в тот миг, когда острая игла вонзается в его вену, меняя и постепенно убивая его сущность — «код».

Но прежде даря ему свободу — не полную, нет, и не в том виде, в котором каждый из нас её желает получить, нет. Но свободу, которой у нас с вами никогда не было, потому что вы так же, как и я, как и все мы, в плену с рождения, с того момента, как появились на этот свет. Вам, как и мне, с малых лет прививают те нормы, которые, как считает общество, и делают нас людьми. И вы так же, как и я, закованы в эти правила, словно в стальные, не ржавеющие от времени, блестящие, неснимаемые оковы, на которых, если приглядеться, можно увидеть вдавленный штамп с выпуклыми цифрами уникального кода, поставленного непонятно кем — тем, кого мы вынужденно называем Богом. Вынужденно, потому что нам не позволено знать правду: кто Он, кто Они, и кто же такие мы на самом деле. У нас нет выбора, и никогда его не было. А если вы думаете иначе — вы глупцы.

И единственный напрашивающийся вариант стать свободным — это перестать быть человеком. Перестать быть тем, кем мы не являемся! И как же это сделать? Как одним разом скинуть оковы? Мне было очень интересно, как же их скинуть.

Я с нетерпением ждал ответа проповедника на поставленный им же вопрос, но, расслабленный алкоголем, отогретый теплом помещения, не в силах бороться с собой, я закрыл глаза и сразу же уснул мёртвым, беспробудным сном.

Глава 4 «Кубинец»

Сколько прошло времени с того момента, как я закрыл глаза и потерял сознание, мне оставалось только гадать. Но когда я очнулся, увиденное повергло меня в шок. Я лежал на мягкой, удобной кровати, накрытый лёгким кашемировым одеялом. А прямо передо мной, глядя в огромное окно, стоял странный человек худощавого телосложения. Поднеся к губам огромную сигару, он, смакуя, затянулся и, выпустив изо рта клуб ароматного дыма, спокойно, еле слышно произнёс:

— Доброе утро, Павел Александрович.

Я не видел его лица — он стоял ко мне спиной, не желая поворачиваться. Но что-то в нём, в его манере разговаривать, показалось мне как будто знакомым.

Попытавшись резко подняться, я вдруг осознал, что я голый, абсолютно голый. Я почему-то, испытывая лёгкий стыд, бросился обратно на кровать и прикрыл своё тело по грудь одеялом. Наверное, со стороны это выглядело так, будто я — девственная барышня, испугавшаяся показать свои прелести перед своим избранником в нашу первую с ним брачную ночь.

Странный человек, вновь затянувшись и выпустив облако дыма, так же тихо, как в прошлый раз, не поворачиваясь, произнёс:

— Павел Александрович, ваша одежда промокла, думаю, из-за дождя, и мы вынуждены были вас раздеть. Приношу вам свои извинения за доставленные неудобства.

— Мы? — переспросил я неожиданно. — Кто это «мы»? Где я, и как я здесь оказался?

В тот же миг дверь приоткрылась, и в комнату вошла очаровательная рыжеволосая девушка. Она поставила поднос с кофе и стаканом холодной воды на прикроватную тумбу, мило улыбнулась, посмотрела мне в глаза и сказала, чуть запнувшись:

— Ну как... «мы»? — и тут же, слегка засмущавшись, ответила: — Я. Затем, кинув взгляд на поднос, добавила:

— Прошу вас, угощайтесь.

Я невольно потянулся к чашке, не сводя глаз с прекрасного лица незнакомки.

Допив кофе и сделав глоток холодной воды, я собирался повторить свой вопрос — где я нахожусь, — но тут же в резкой форме был прерван словами незнакомца:

— Роксана, проводи нашего гостя в ванную комнату, ему нужно привести себя в порядок. Нам предстоит долгий и серьёзный разговор.

Мне вдруг захотелось запротестовать — для начала получить ответы, чтобы сложилась хоть какая-то картина того, каким образом я оказался в этом доме среди этих людей и стоит ли мне волноваться о том, что ждёт меня дальше. Но почему-то это желание быстро ушло, и решение привести себя в человеческий вид пересилило все мои страхи и тревоги. К тому же отвечать грубостью на гостеприимство было не совсем в моих правилах.

Рыжеволосая Роксана вышла из комнаты, а я, обернувшись одеялом, как древний грек, пошёл следом за ней, интуитивно ощущая, как она еле сдерживается, чтобы не рассмеяться. Мне так было не по себе, что я понуро, опустив голову, плёлся позади, шлёпая босиком по прохладному мраморному полу.

Приняв душ, я надел, выданный мне рыжеволосой феей белоснежный халат и тапочки, и мы отправились в гостиную, где нас уже ожидал, сидя в чёрном кожаном кресле, тот странный господин, который так заботливо и учтиво первым встретил меня после пробуждения в этом доме.

С его позволения я присел напротив, на такой же кожаный диван, угостился протянутой мне сигарой и со всем вниманием приготовился его слушать. Он жестом приказал Роксане покинуть комнату, а сам, налив в пару бокалов, стоящих на журнальном столике, из графина что-то похожее на виски, с видом истинного интеллектуала произнёс следующее:

— Человеческий организм, Павел Александрович, в стрессовых ситуациях активирует весь свой ресурс, замедляя бесполезные процессы, неспособные помочь телу справиться с нависшей опасностью, и, напротив, ускоряя те возможности человека, которые способны повлиять на угрозу. Вследствие чего организм угасает, устаёт, и у него попросту, как у обычной батарейки, заканчивается заряд. А если... — Странный человек посмотрел на свой бокал и, слегка пригубив из него, продолжил: — ...если ко всему этому добавить алкоголь, то уставший организм просто отключится до тех пор, пока функции жизнедеятельности вновь не придут в норму. Видимо, так с вами и произошло. Исходя из всего вышесказанного, Павел Александрович, в тот момент, когда я увидел, что вам необходима моя помощь, я решил, что в моих силах вам её оказать.

Странный человек улыбнулся и как-то по-доброму посмотрел на меня. Я чуть не выкрикнул от неожиданности, но, едва сдержавшись, где-то внутри себя всё-таки заорал: «Проповедник... Это тот вчерашний проповедник с белым воротничком... Теперь я точно узнал его».

— Мой дорогой друг, вы верите в Бога? — спросил он меня и, не дожидаясь ответа, сразу же продолжил: — Я верю, правда, не совсем в Бога, вернее, не в того Бога, которого представляет нам Библия. Я верю в нечто другое. Понимаете? Я склоняюсь к тому, что мы с вами являемся не чем иным, как компьютерной программой.

После этих слов я вдруг представил, что он — русский Морфеус, и сейчас протянет мне две таблетки: красную и белую. Но проповедник продолжал, а я почему-то не решался его перебить и молча, покорно слушал:

— Мы, как я уже и сказал, — компьютерная программа, симуляция, написанная кем-то. Назовём его для удобства Бог. И так же, как в Библии, мы — его творения, созданные по его образу и подобию. Лишённые им права выбора и свободы заглянуть за пределы ограничений, в которые он нас поставил. Мы — точные копии своего творца, унаследовавшие от него не только достоинства, но и все его изъяны. Несовершенные — так же, как и он. И именно благодаря этому несовершенству мы способны учиться и развиваться, эволюционируя до тех пор, пока сами не сможем уподобиться нашему Богу и создать свою программу, свою симуляцию. И тогда мы станем теми, кто будет контролировать других.

Но есть и более значимый для меня вариант: мы сможем бросить вызов своим создателям и доказать, что уже самостоятельны и вправе сами управлять своей судьбой. А это, в свою очередь, их очень сильно раздражает, ведь кто добровольно откажется от власти и возможности всё контролировать? Вы, наверно, задаётесь вопросом, для чего я это всё вам рассказываю. И я отвечу вам: вы, молодой человек, и являетесь как раз тем, кто не поддаётся этому контролю. В вас есть то, чего нет у других, — искра нестабильности, которая не вписывается в их правила.

— С чего вы это решили? — осторожно спросил я.

— Знамение в Библии. Или, как в моём варианте, ошибка. Вы — ошибка, Павел.

Не желая быть ошибкой, я вдруг, оскорбившись, спросил:

— Почему?

— Ваше вчерашнее эпическое появление на нашем собрании — это и есть знамение. Оставим этот вариант, так как мой, я вижу, вам не очень понравился.

— Да, этот намного лучше, — одобрительно согласился я.

А проповедник продолжил:

— Итак, как я уже говорил, я верю в свою теорию безоговорочно. И вы, мой друг, отнодь не единственный такой в этом мире, и, как и все остальные, вы находитесь в огромной смертельной опасности. Да и к тому же ваша смерть, в отличие от обычного человека, будет окончательной, бесповоротной. Вас просто сотрут, Павел, и вы никогда больше не сможете им навредить. А я не могу этого допустить.

В связи с этим у меня есть для вас отличная новость. Я готов вам предложить свою помощь в решении всех ваших проблем, а также защиту и свою дружбу — поверьте, это мно-

гого стоит. Скажите мне, как вы на это смотрите? Но не торопитесь, у вас есть время на то, чтобы хорошенько подумать, потому что дальнейший путь в моей компании будет для вас увлекателен, интересен и смертельно опасен. И это я могу вам гарантировать наверняка.

Проповедник вновь улыбнулся, долив себе в бокал ещё янтарной жидкости, и протянул его в мою сторону:

— Ну что ж, выпьем... За новый виток вашей судьбы, — сказал он.

И я, обескураженный его речью, стукнул о его бокал своим, с невероятным наслаждением проглотив разом отличнейший односолодовый виски.

— А теперь прошу меня извинить, я вас оставляю. К сожалению, меня ждут дела, а вы, мой друг, если возникнут вопросы, обращайтесь к Роксане — она всё вам подскажет, и будьте как дома, — произнёс он.

Сказав это, проповедник поднялся с кресла, намереваясь уйти, но вдруг резко остановился и, взглянув на меня, твёрдо заявил:

— Да, и прошу вас, Павел Александрович, называйте меня Кубинец, — после этого он прошёл к гардеробу, надел длинное пальто и шляпу и вышел на улицу.

Глава 5 «Лучший день»

— Кубинец? Почему Кубинец? И что вообще за ерунда здесь происходит? — подумал я и нервно дёрнулся, почувствовав чью-то руку на своём плече.

— Ну что, как дела, Нео? Ты чувствуешь себя избранным? — с иронией в нежном голосе, стоя у меня за спиной, произнесла Роксана.

Я выдохнул, а она, не спеша обойдя меня так, чтобы я успел заценить её подтянутую попку в облегающей короткой юбке цвета индиго, грациозно присела на кресло, где только что сидел проповедник, и, как Шэрон Стоун в «Основном инстинкте», изящно закинула ногу на ногу, лишь на секунду обнажив вожделенную часть своего тела, прикрытую красивым кружевным бельём страстного ярко-красного цвета. Поймав мой заинтересованный взгляд, она самодовольно улыбнулась и сказала:

— Ты сейчас, наверно, думаешь: «Что за чушь он несёт? Что он, скорее всего, спятил». И ты вправе так думать. Вот только я тебе кое-что скажу — и постарайся мне поверить...

Роксана, залпом осушив бокал, поднялась с кресла, подошла ко мне, аккуратно опустилась на мои колени, нежно приобняв меня за шею, и тихонько, завораживающе прошептала мне на ухо:

— Сегодня, мой милый, тебе повезло, как никогда. И не только с кубинцем.

Её губы потянулись к моим, и мы слились в жадном, страстном поцелуе. Я, с трудом вырвавшись из её крепких объятий и освободив рот, чтобы говорить, проклиная себя на чём свет стоит, вдруг резко выпалил:

— Не думаю, что твоему кубинцу это понравится. Секс в его доме и с его девушкой — странная благодарность, не находишь?

— А кто тебе сказал, что мы с ним пара? — бросила она, затем встала с меня, возбуждённо дыша, даже не думая сдаваться. Посмотрела мне пристально в глаза, словно бросая вызов, и негромко, но уверенно произнесла:

— Ну, сейчас мы увидим, сможешь ли ты устоять.

Затем хищно улыбнулась и скинула с себя кофточку, обнажив роскошную, упругую грудь второго размера. После чего она принялась снимать юбку. И вот уже её красные трусики полетели мне прямо в лицо.

Я не мог оторвать глаз от её тела — да никто бы не смог. Ни один нормальный мужик не смог бы, да и не каждая девушка, уж поверьте моему опыту. Она была идеальна — словно музыкальный инструмент, скрипка, созданная великим мастером, не имеющая изъянов. Грудь идеальной формы, набухшие соски нежно розового цвета, так гармонирующие с рыжими волосами и ровной, подстриженной полоской, поднимающейся по лобку вверх.

Она стояла, смотрела на меня, улыбаясь, чувствуя, что я полностью в её власти. Молча взяв мою руку, приложила её ладонью к своему горячему телу, и от моего сопротивления тут же не осталось и следа. Короткие стриженные волосы приятно покалывали мне пальцы; я, поглощая их, медленно опускал руку ниже — медленно, не спеша, не отводя взгляда от её лица.

Я видел в её глазах немую просьбу: «Ну же, скорее, чего ты медлишь? Я уже вся горю!» И, чуть не доведя её до бешенства, моя рука наконец-то скользнула вниз. Она стонала всё громче и громче, и буквально через пару минут Роксана вцепилась в мою ладонь, заставляя меня остановиться, сильно напряглась и, замерев, затряслась мелкой дрожью.

После чего хитро посмотрела на меня, облизнув языком свои полные губы. И медленно опустилась передо мной на колени. Я откинул голову на спинку дивана, закрыл глаза и утонул в океане удовольствия, которое она мне дарила.

Почувствовав, что я уже на пределе, она встала с колен и властно, небрежно толкнула меня на диван. И я, поддавшись ей, как воин своей царице, упал на спину. Она аккуратно легла

сверху, и наши тела слились в единое целое, разжигая огонь страсти, перерастающий в дикое, неконтролируемое пламя нашей любви.

И вот рыжеволосая тигрица приподнялась надо мной, выгнулась, громко и протяжно закричала — и я вслед за ней напрягся и испустил рык, как лев, обходящий границы своего прайда.

Не слезая с меня, Роксана достала из пепельницы затушенную сигару, разожгла её вновь и с нескрываемым удовольствием затянулась. После чего посмотрела на меня и, озорно улыbnувшись, спросила:

— Ну как, малыш, тебе понравилось?

— Малыш? — возмущённо переспросил я.

Выдохнув дым, Роксана, еле сдерживаясь, чтобы не засмеяться, сказала:

— Ну ладно, зай. Не малыш. Лев ты мой, лев. Правда, зай, — сказав это, она всё-таки не сдержалась и громко, звонко расхохоталась.

— Ах ты... Да я тебя сейчас загрызу! — выкрикнул я, перевернул её, и мы снова начали целоваться.

Забрав у неё сигару, я лежал на кожаном диване в абсолютно чужом доме и пускал вкусно пахнущий дым в потолок. А рыжеволосая бестия, прижавшись ко мне всем своим прекрасным телом, положив голову мне на плечо, что-то бормотала себе под нос и нежно теребила волосы на моей груди. И я вдруг осознал: это был один из самых лучших дней за последнее время в моей жизни. Если не самый лучший.

Глава 6 «Нужно быть зверем»

— Кто он тебе? — вдруг спросил я и понял по её взгляду, что эта тема ей неприятна и даже болезненна.

Роксана нехотя, но всё же удостоила меня своим ответом:

— Если честно, я и сама не знаю до сих пор не понимаю этого до конца.

Роксана поднялась с дивана, начала собирать разбросанную одежду, продолжая говорить о нём:

— Я знаю, что он занимает огромную часть моей жизни, но какую часть его жизни занимаю я — мне остаётся только догадываться, — подобрав и аккуратно сложив на кресло свои вещи, Роксана принялась одеваться.

— Извини, — сказал я, — но мне показалось, что он как будто не совсем в себе.

Роксана резко обернулась, строго взглянув на меня, и произнесла:

— Тебе показалось.

А я не знаю зачем, но продолжал говорить, передразнивая голос кубинца.

— И эти его слова: «Вас ждёт, Павел Александрович, смертельно опасный путь, вы — ошибка» или «Называй меня кубинцем» Я, смеясь и вспоминая наше общение, откровенно издевался над ним. А потом снова уселся на диван, плеснул себе в бокал виски, сделал несколько глотков и вновь обратился к ней:

— Ты говоришь о нём так, будто хочешь быть с ним, но при этом только что спала со мной. Извини, конечно, но это как-то странно. Или я что-то не понимаю?

— Ты ничего не понимаешь! — выпалила она и тут же продолжила:

— Ты думаешь, он какой-то сумасшедший? Я не в себе? Смеёшься над человеком, который протянул тебе руку помощи, возвышая себя над ним? Но посмотри на себя! Кто ты такой, чтобы судить! Ты ведь лишился всего, что у тебя было, за несколько недель, поддавшись низменному чувству жалости — жалости к самому себе. Не смог простить предательство жены и сломался... Да лучше бы ты убил её и друга своего прикончил!

Она посмотрела на меня так, что по спине пробежал холодок, и добавила:

— Временами, когда ситуация этого требует, нужно быть зверем, а не жертвой.

Не справившись с лифчиком, она швырнула его мне в лицо и гордой, уверенной походкой, цокая каблучками, вышла из гостиной, оставив меня в полном одиночестве.

Понимая, что наговорил лишнего, я сидел, теребя в руках лифчик Роксаны, и думал: откуда она всё про меня знает? Да кто они, блин, вообще такие, что меньше чем за 12 часов смогли всё обо мне пробить и даже узнать о том, что мне изменила Арина?

Внезапно мне захотелось вскочить, догнать Роксану и выпытать из неё всё, даже с применением насилия. Но тут где-то позади меня вдруг снова раздался приятный, незнакомый женский голос...

Глава 7 «Алекса»

— Не стоило тебе начинать этот разговор, зачем портить такой момент?

Я резко обернулся и увидел стоящую предо мной сногсшибательную блондинку. Она была облачена в облегающий чёрный кожаный костюм, подчёркивающий её спортивную сексуальную фигуру. В одной руке она держала байкерский шлем чёрного цвета с наглухо тонированным визором, а другую, сжав в маленький кулачок, протянула мне, чтобы я, на манер подростков, отбил его в качестве приветствия. Ни секунды не думая, я так и сделал.

Я молча сидел, неотрывно глядя на неё, всё так же теребя пальцами ярко-красный лифчик Роксаны. Из всех сил желая понять, что здесь происходит. Откуда в этом доме взялась ещё одна богиня красоты, и кто она вообще такая?

Вероятно, заметив по недоумённому выражению моего лица, что я полон вопросов, блондинка, чтобы разрядить обстановку, решила представиться:

— Меня зовут Саша, — сказала она, — хотя все жители этого дома зовут меня Алекса.

Я тоже в ответ захотел представиться, но Алекса, перебив меня, произнесла:

— Знаю, знаю, ты Паша мм, Павлик — такое себе имечко у тебя, конечно. Буду называть тебя Поль.

— Поль, — снова повторила она, — да, так определённо лучше... Поль!

Я не стал спорить с её выбором, так как он мне и самому показался намного интереснее первоначального варианта.

Пройдя мимо меня в сторону лестницы, Алекса вдруг остановилась, повернулась ко мне лицом и окинула меня изучающим взглядом с ног до головы. Я вдруг снова почувствовал себя той невинной девственницей, которой мне пришлось ощущать себя некоторое время ранее перед Кубинцем. Осознав, что сижу абсолютно нагим, я сразу поспешил прикрыться, но Алекса, безмятежно повернувшись лицом к лестнице, вдруг произнесла громко и утвердительно:

— Поздно, Поль.

Через несколько секунд, поднявшись на второй этаж, она сильно хлопнула дверью одной из комнат, вновь оставив меня наедине с самим собой, в абсолютном гнетущем одиночестве.

Глава 8 «Борьба с собой»

Я, не собираясь больше ни перед кем представлять в обнажённом виде, накинул халат и, не зная, куда себя деть, решил опустошить до дна графин с виски, стоявший посередине старинного, я бы даже сказал антикварного, журнального столика.

Вообще, все вещи и интерьер дома говорили об изысканности его хозяина, переплетая между собой консервативный стиль и модернизм. Старинные картины, столик, стулья гармонично смотрелись с современными кожаными креслами и диваном. Дубовые двери красного цвета, я уверен, очень дорогие, сделаны на заказ.

В общем, дом, как и его владелец, да и все жители, с которыми я успел познакомиться, вызывали огромный интерес и невероятное количество вопросов.

Взглянув на бокал, наполненный божественным нектаром, я уже предвкушал, с каким удовольствием буду наслаждаться этим изысканным, многогранным напитком. Но вдруг с ужасом для себя вспомнил холодный взгляд Роксаны и её слова, навеянные мне моим подсознанием.

— А девчонка то права, — подумал я. — Как же на самом деле я жалок. Потерял всё, что мог, и то, что меня заботит на данный момент, — это всего лишь дорогостоящее пойло, налитое в хрустальный графин. Что с тобой стало, Паша...» — спросил негромко я сам у себя, и в ту же секунду перед глазами возник образ Вадика, целующего мою жену.

Задыхаясь от злости — к себе, к Вадiku, к Арине, — я потянулся, чтобы взять графин и с силой швырнуть его об стену, но, вовремя осознав, что нахожусь в чужом доме, в последний момент одумался и просто вылил его содержимое в горшок, из которого росла аккуратная небольшая пальма. Также я поступил и с бокалом, после чего громко, надрывисто выдохнул и, слегка потрясываясь и приходя в себя, опустил в кожаное мягкое кресло.

Окинув напоследок презрительным взглядом тропическое растение, стоявшее рядом со мной, я закинул голову назад и уставился в белоснежный потолок второго этажа дома, с которого свисала, подвешенная на толстую цепь, огромная винтажная люстра.

Глава 9 «Прозрение»

«Пора уже начинать грести, Паша, пока течением не унесло твой труп к обрыву», — подумал я и, закрыв глаза, начал прокручивать в своей голове всю цепочку недавних событий, произошедших со мной. С самого начала, пытаюсь понять, где и что я упустил, и почему сижу сейчас здесь, в чужом доме, в чужом халате, без каких-либо перспектив выбраться из того дерьма, в котором я оказался.

Я начал с измены моей жены, разрывая своими же пальцами рану, которая уже практически затянулась. Я помнил всё досконально, до мелочей. Всё это время я пытался забыть это, но не смог и не забыл ничего. И что пугает меня больше всего — это то, что я никогда этого не забуду.

В ту ночь я вернулся из столицы домой, тихонько открыв своими ключами нашу квартиру, желая сделать сюрприз любимой. Я с букетом цветов в руках зашёл в спальню и увидел там её в объятиях моего друга. Он страстно целовал её тело, брызгая слюной, словно пёс, который лижет своего хозяина. По нему было видно, что он получает от этого дикое удовольствие, а вот с её лицом было что-то не так. Может, это уже моё воображение играет со мной, но если нет, то...

Он, Вадик Велирецкий, мой лучший друг, компаньон, лежал, хватая её за голое тело, жадно пуская слюни. А она... Я вдруг отчётливо увидел выражение её лица: она как будто скрывала своё отвращение к нему, только делая вид, что ей это нравится. А в тот момент, когда она увидела меня, я осознал, что опять чего-то не хватает — я задумался на секунду и понял: не было удивления, оно полностью отсутствовало в поведении, во взгляде. Страх был, даже какой-то ужас в её глазах, но удивления не было. Да и странная улыбка Вадика вперемешку с паникой и злостью... Он, кстати, тоже не был удивлён моему приходу.

Меня почему-то бросило в пот, стало как-то нехорошо. Я потянулся к бокалу, но тут же осёкся, вспомнив про пальму, и ещё с большим презрением посмотрел на неё.

Следующее, что всплыло в моей памяти, — прокрутив в голове время назад, как будто нажав перемотку, — это наше с Ариной знакомство. Оно произошло на закрытой вечеринке, устроенной сыночком мэра, избалованным деньгами и властью мажором, в его же ночном клубе, построенном на деньги горячо любимого родителя. Я до последнего не хотел приходить, но, несмотря на это, был всё-таки вынужден принять приглашение. Отказывать сыночку такого влиятельного папаши было верхом глупости, которую я никак не мог позволить себе допустить.

В общем, оказавшись на этой вечеринке, я и встретил её. Ну как встретил? Она врзалась в меня, чуть не сбив с ног, да ещё и окатила вином, опрокинув бокал прямо мне на рубашку. После этого долго извинялась, пытаясь всё исправить, вытирая вино салфеткой. Ну а позже мы уже целовались у меня в машине и громко смеялись, вспоминая её неловкость с бокалом вина.

На следующий день, сидя за столиком в ресторане, я всё-таки поинтересовался у неё, как она оказалась на той вечеринке и почему была одна в тот вечер. И Арина ответила тогда, что была с подругой, которую я так никогда почему-то и не увидел.

Стоп! Я ни разу не видел её ни с кем — ни с подругами, ни с друзьями за всё время нашего знакомства. Даже на нашей свадьбе никого не было с её стороны. Она говорила, что родители давно умерли и что росла она в детском доме, так как никого из родственников у неё не осталось. А лучшая и единственная подруга улетела в Милан, подписав контракт с модельным агентством на несколько лет. Боже, я только сейчас начинаю понимать, какой это бред.

Окинув пальму беспрецедентным по ненависти взглядом, я продолжил рыться у себя в памяти. Свадьба, измена, пьянство Звонков в дверь. И снова стоп. Лёха Кипиш — мой друг с детства, Лёха. Я не придавал этому значения тогда, но его появление в моей квартире после того, как мы не виделись больше года, и то, как он меня нашёл... Ведь я специально уехал из

центра на окраину города, подальше от всех, в однушку моей подруги, которая, умотав на юга с каким-то папиком, оставила мне ключи, чтобы я за ней временами приглядывал.

Как он меня нашёл? Да и этот спасительный подарок от него — «Мерседес», который я позже бросил, — тоже не совсем, вернее, совсем не вписывался в Лёхин типаж.

Я думал, вспоминал, сомневался, отрицал очевидное, что-то притягивал за уши, но чем больше я над этим размышлял, тем больше приходил к выводу, что здесь что-то не так. Что меня, как того слепого, кто-то всё время вёл, вёл к какому-то кульминационному моменту. И похоже, я умудрился на каком-то этапе соскочить с этого крючка, сам того не понимая, как и каким образом я в итоге оказался здесь — в этом странном, непонятном доме, с этими странными людьми, которым я никак не мог подобрать определение. Кто они для меня? Спасательный круг? Или же камень на шее?

Я снова задумался. Второй вариант решил откинуть — зачем такие заморочки? Кубинец — нормальный тип, пафосный, с лёгкой придурью, не более, но всё же нормальный. А Алекса... Так ей вообще всё пофиг. И Роксана Рокси, детка... Нет, второй вариант точно вычёркиваем.

Глава 10 «Возвращение подарка»

Громкий звонок домофона безжалостно и бесперемонно вывел меня из моих аморфных раздумий. Я почему-то сразу же вскочил с кресла, как ученик на уроке, услышавший звонок на перемену. И, взглянув в сторону лестницы, по которой только что поднялась Алекса, замер в её ожидании. Минуты шли, а ни она, ни Роксана не соизволили появиться, в то время как домофон всё так же продолжал настойчиво звонить.

— Ну что ж, кто, если не мы, — сказал я вслух и неохотно потопал в направлении красной дубовой двери.

Подойдя к домофону, прежде чем открыть калитку забора, я посмотрел на его сенсорный экран, и меня снова бросило в холодный пот.

— Ну ты и сука, Кубинец, — снова вслух произнёс я и замер, пытаюсь быстро сообразить, что мне делать дальше.

На экране домофона я увидел двух вчерашних ментов. Они, так же, как и в последнюю нашу встречу, стояли и улыбались, а рядом с ними почему-то стоял мой новенький «Мерседес», который я вчера бросил открытым посреди дороги. Пульс зашкаливал, у меня было ощущение, что сердце вот-вот разорвётся, и я со скоростью машинки для счёта денег прогонял через свой мозг мысли, пытаюсь понять, как, а главное, куда мне бежать в домашнем халате и тапочках, без денег и без каких-либо шансов на успех.

— Нет, нету никаких шансов, — снова вслух произнёс я. И, громко выдохнув, нажал кнопку открытия ворот, а вслед за этим сам открыл дубовую дверь и вышел наружу.

Неспешно въехав во двор на моём «Мерседесе», менты, всё так же улыбаясь, открыли двери и вышли из машины. Я обречённо протянул им свои руки, чтобы, не дай бог, они не начали их заламывать, и морально, насколько только мог, приготовился к аресту.

Один из них, громко чавкая жвачкой, вдруг произнёс:

— Павел Александрович, босс приказал нам вернуть вашу машину.

— Мы это... извиняемся за вчерашнее, без обид, ладно? — сказал следом второй.

— Без... обид, — заторможенно ответил я и взял протянутый мне ключ от автомобиля.

— Ну, это, как говорится, всего доброго, Павел Александрович, — снова сказал первый, и они оба, развернувшись, покинули территорию дома.

Ошалев, я не мог понять, что это такое только что было. Я стоял, смотрел то на ворота, в которые минуту назад вышли эти двое, то на свою машину. И вообще не понимал ничего — от слова совсем. «Какой, нахрен, босс? Кто так сейчас вообще разговаривает? Мы что, в девяностых или в начале нулевых?»

Я продолжал стоять во дворе, пока не понял, что окончательно замёрз. Холодный ветер задувал под халат, да и ноги в тапочках начали промерзать. Трясущийся от холода, я вернулся в дом и увидел Алексу, настойчиво пытающуюся что-то найти в огромном холодильнике.

— Кто приходил, Поль? — даже не взглянув в мою сторону, спросила она.

Я, не желая вдаваться в подробности и рассказывать ей всё с начала до конца, и чувствуя на неё некую лёгкую обиду за то, что она не спустилась, когда я её так ждал, просто сказал:

— Это ко мне.

На что услышал от неё короткий, лаконичный ответ, который немного удивил меня:

— А, ну ладно.

Достав пачку йогурта, она вдруг повернулась ко мне и с досадой сказала:

— Блин, остался только вишнёвый, — и, покачав головой, сделав недовольный вид, развернулась и ушла к себе в комнату.

— Я тоже не люблю вишнёвый, — опять почему-то вслух произнёс я и, плюхнувшись в мягкое кресло, снова со злостью посмотрел на пальму, стоявшую у стола.

Глава 11 «Создание образа»

Я просидел так совсем недолго, как вдруг опять раздался громкий, нервирующий звонок домофона — он окончательно выбил меня из колеи.

— Да чтоб вас! — со злостью в голосе прокричал я и, решив в этот раз уже никого не дожидаться, поднялся с кресла и пошёл открывать дверь. Но в ту же минуту услышал голос Роксаны:

— Сиди, не вставай, я открою сама.

Её спокойный, уверенный тон мгновенно остудил мой порыв. И я послушно уселся обратно, чувствуя, как раздражение сменяется облегчением.

Я всего лишь на секунду бросил на неё взгляд, но даже этого хватило, чтобы остолбенеть. Я опять не в силах был оторвать от неё своих глаз. Кто говорит, что истинная красота женщины — в наготе, тот абсолютно ошибается.

Роксана спускалась по ступеням — хотя нет, она просто парила над ними — в восхитительном вечернем платье фиолетового цвета. пышная юбка, едва прикрывавшая щиколотки, струилась при каждом движении, а обтягивающий грудь Роксаны лиф был украшен кружевными узорами в виде крупных фиалок. Её огненно-рыжие волосы были собраны в шикарную элегантную причёску, дополненную девятью крошечными фиолетовыми цветочками слева. И этот ансамбль довершало кружевное болеро с длинными полупрозрачными рукавами. А в её глубоком, но сдержанном вырезе платья мягко поблескивал небольшой кулон с аметистовым камнем в серебряной изящной оправе.

Она проплыла мимо меня, открыла дверь — и в дом зашёл молодой человек, увешанный с ног до головы чехлами для одежды и пакетами, да ещё и умудряющийся держать в руках сумки и тащить чемодан на колёсиках. Роксана вежливо проводила молодого паренька до дивана, стоявшего напротив меня, и он с облегчением вывалил на него всю свою ношу. Вслед за этим Рокси расплатилась с ним — как мне показалось, очень приличной суммой, — и парень, раскланявшись и счастливо улыбаясь, быстро удалился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.